

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ В XX ВЕКЕ

А. И. КЛЮЕВ, А. В. СВЕШНИКОВ

МИГРАЦИЯ ИЛИ ЭМИГРАЦИЯ О ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ МЕДИЕВИСТОВ В 1920–1930-е гг.

Статья посвящена изучению феномена географической мобильности советских медиевистов межвоенного периода. Опираясь на материал биографий около 130 ученых, авторы прослеживают основные тенденции мобильности, определяют направления и причины миграций ученых.

Ключевые слова: *советские историки, географическая мобильность, медиевистика, университеты, научное сообщество.*

Банальный переезд чаще всего для профессионального ученого оказывается не только фактом личной биографии, но и событием, фактором его профессиональной деятельности. Как правило, это означает трансформацию профессионального поля, в рамках которого реализуется исследовательская деятельность, или изменение положения самого ученого в рамках этого поля, переконструирование интеллектуальных сетей, в которые ученый вписан, приводит к изменению профессионального и социального статуса, порой радикальным образом меняет характер и тематику научной работы. Иной раз, на новом месте ученому приходится «начинать жизнь заново», выстраивая все от профессии до быта. Народная мудрость, сопоставляющая переезд с пожаром, имеет отношение и к профессиональным ученым. Тем не менее, ученые переезжают. И делают это достаточно часто. На определенных этапах истории переезд оказывается важнейшим условием продолжения профессиональной деятельности или академической карьеры. Многим ученым для того чтобы оставаться таковыми приходится переезжать¹.

Мы попытаемся выявить основные тенденции мобильности представителей одной научной дисциплины в ограниченный временной, период. Речь пойдет о динамике географической мобильности советских медиевистов в 1920–1930-е гг., точнее говоря с 1917 по 1941 гг. Под медиевистами в данном случае мы понимаем профессиональных ученых-гуманитариев, занимавшихся изучением западноевропейского средневе-

¹ В статье речь пойдет о так называемой географической мобильности. См.: Лоскутова. 2009.

ковья. Само выделение достаточно условно, хотя бы в силу того, что есть масса дисциплинарных пересечений и пограничных областей, к тому же тот или иной историк мог менять тематику своих исследований или быть в профессиональном плане «многостаночником». Между тем, думается, что профессиональное исследование средневековья для первой половины XX в. требовало определенных специальных навыков (например, умение читать тексты на средневековой латыни), условий (наличие соответствующим образом укомплектованных библиотек) и набора специфических знаний (например, умение ориентироваться в актуальной историографии). Не случайно именно в начале XX века термин *медиевистика* начинают применять для обозначения специфической, отличной от других, научной дисциплины. Количество *медиевистов* в последние годы существования Российской империи было невелико. Преимущественно, они были связаны с крупными (не только в научном плане) центрами – Москвой, Петроградом, в определенной степени, Киевом. Институциональной базой для развития *медиевистики*, в отличие от других исторических дисциплин, связанных с музеями, архивами, Историческими обществами или структурами Академии Наук, служили преимущественно университеты. Соответственно, под *медиевистами* по отношению к этому периоду мы понимаем профессиональных ученых, писавших научные работы, посвященные западноевропейскому средневековью, читавших учебные курсы по этой тематике или оставленных при кафедре для приготовления к профессорскому званию и ориентированных на изучение западного средневековья. Поэтому понятно, что в ранг *медиевистов* попали историки литературы, историк права, историки театра и философии и другие.

Выделение межвоенного периода в качестве самостоятельного вряд ли нуждается в каком-то отдельном обосновании. Понятно, что, во-первых, это время политических потрясений: войн, смены политического режима, формирования новой политической системы и т.д. А во-вторых, время радикальной перестройки самой системы науки в институциональном, содержательном и персональном плане. Особенно значительными были изменения, коснувшиеся системы гуманитарного знания, что чаще всего в советской историографии именовали как «период формирования нового типа науки».

В научной литературе, посвященной истории отечественной *медиевистики* этого периода, как в общих работах², так и в работах, посвященных отдельным персоналиям, вопрос о географической мобильности или не затрагивается вовсе или затрагивается вскользь.

² См.: *Косминский*. 1937; *Вайнштейн*. 1968; *Гутнова*. 1974.

Итак, в ходе анализа около 130 биографий профессиональных советских медиевистов этого периода мы можем выделить несколько трендов географической мобильности. Понятно, что и понятие «научная деятельность», и понятие «переезд» должны рассматриваться конкретно-исторически. В различных условиях, различных контекстах сам факт географического перемещения профессионального ученого с одного места на другое осуществляется, оценивается и интерпретируется по-разному. Хотя конкретный казус, безусловно, позволяет нащупать и некоторые значимые для истории науки в целом моменты. Конечно, при этом необходимо учитывать, что с одной стороны, сообщество небольшое, и его легко «обсчитать», но с другой, любая пара «случайных переездов» уже влияет на общую картину.

В дореволюционный период в целом преобладающей была тенденция, отмеченная М. Лоскутовой: молодые ученые из столичных университетов в поисках рабочих мест отправлялись в провинциальные³. Особенно это было характерно для университетских преподавателей, имевших в столичных университетах должность приват-доцента. Для медиевистов этот вариант является в данный период доминирующим. С «трудоустройством по специальности» в столицах были большие проблемы. Университетские кафедры были заняты достаточно прочно, преимущественно учеными так называемого «старшего поколения», т.е. ученых, чей пик научной деятельности пришелся на самое начало XX века. Молодые ученые уезжают из столиц или на вакантные кафедры уже существовавших провинциальных университетов или во вновь открывающиеся университеты. Так, например, В.Э. Крушман, сдав магистерские экзамены в Санкт-Петербурге, переезжает на вакантную кафедру в Одессу, получив после защиты магистерской диссертации должность экстраординарного профессора⁴. В Дерпт отправляется медиевист А.А. Васильев⁵. В силу разных обстоятельств вакантной долгое время была кафедра Казанского университета⁶. Кто-то рассматривал свое пребывание в провинции как временное и при первой же возможности возвращался в столицы, а кто-то прочно оседал в провинции и «пускал там корни». В качестве примера первой стратегии поведения можно указать постоянно державшего руку на пульсе событий в Московском университете и при первой возможности уехав-

³ См.: Лоскутова. 2009.

⁴ Свешников. 2010. С. 134.

⁵ Дубьева. 2005. С. 84–85.

⁶ Мягков. 2005. С. 162.

шего туда из Одессы Р.Ю. Виппера⁷ или А.А. Васильева, раздражавшего частыми отлучками в Петроград дерптскую университетскую администрацию⁸. В качестве второго, можно вспомнить того же Крусмана: «Лекции получил и сам не думал, что студенческая аудитория будет так действовать на меня и так поднимать энергию. С практическими занятиями тоже все хорошо, но сколько участников и такое горячее участие, что, вероятно, придется во втором полугодии брать дополнительные часы. Языки (новые) знают здесь, пожалуй, получше, чем в Питере»⁹.

Конечно, нужно отметить и обратные случаи, например, переезд в 1915 г. в Москву выпускника Варшавского университета Е.А. Косминского¹⁰ или переезд в Санкт-Петербург заслуженного киевского профессора И.В. Лучицкого¹¹, но это скорее исключение из общего правила.

До войны функционировала сложившаяся система зарубежных стажировок лиц, оставленных при кафедре для приготовления к профессорскому званию, в ходе которой выпускники российских университетов могли посетить за казенный счет зарубежные научные и образовательные центры¹². Единицы из числа российских медиевистов сумели реализовать себя профессионально за рубежом, хотя большинство сознательно перед собой такой задачи не ставило. В качестве примера успешного «трудоустройства» в Европе можно назвать профессора Оксфордского университета П.Г. Виноградова¹³ и профессора Римского университета В.Н. Забугина¹⁴. Но это воспринималось в условиях «национальной системы науки» как исключительный шаг.

Существовала и практика переезда из одного провинциального университета в другой (так сказать, «горизонтальная мобильность»), связанная преимущественно с наличием или отсутствием «ставок», но в численном отношении она «погоды не делала». Наиболее известным примером подобно рода является успешная деятельность в Казани переехавшего сюда из Нежина В.К. Пискорского¹⁵.

В годы войны отмеченная доминирующая тенденция сохраняется во многом благодаря тому, что в эти годы начинается реализовываться

⁷ Сафронов. 1976. С. 38–42.

⁸ Дубьева. 2005. С. 96–99.

⁹ Цит по.: Свейников. 2010. С. 134–135.

¹⁰ Гутнова, 2000. С. 167.

¹¹ Таран, 2000. С. 273.

¹² См.: Свейников. 2012; Дмитриев. 2012.

¹³ Антоценко. 2010.

¹⁴ Tamborra. 1977. P. 211–218.

¹⁵ Мяжков. 2005. С. 165–166.

подготовленный Министерством народного просвещения еще до войны план открытия новых провинциальных университетов¹⁶. Так, во вновь открытый университет в Перми, действующий в течение первого года в качестве филиала Петроградского университета, приезжает из столицы молодой медиовист Н.П. Оттокар¹⁷.

Кроме того, на динамику миграции начинают влиять и внешние по отношению к науке, чисто политические факторы. В связи с войной ряд западных университетов (Варшавский и Дерптский) были эвакуированы. Так, в 1917 г. в Ростов, став профессорами Ростовского университета, переезжают из Варшавы медиовисты Л.Н. Беркут и Н.Н. Любович¹⁸.

В период гражданской войны многие, преимущественно молодые, столичные медиовисты по прежнему отправляются в провинцию, но не столько в поисках вакантных мест, т.е. сознательно выстраивая профессиональную карьеру, но и часто для обеспечения более спокойного существования, порой – просто спасаясь от голода. В октябре 1917 г. в Пермь, вскоре за Оттокаром, перебирается его близкий друг В.В. Вейдле. «С чего же это? – вспоминал позднее Вейдле. – Или для чего? Прокормиться? Отчасти, в самом деле, и для этого. В Петербурге была дороговизна, недобхват продуктов, длинные хвосты; а в Перми, когда мы прибыли туда, пара рябчиков стоила пять копеек, жарилось все на топленом масле, в котором все жареное – к ужасу моему – плавало, а пельмени, звавшиеся тут, как и сами пермяки, солеными ушами, изготовлялись по-прежнему из трех сортов мяса, плавали в жирнейшем бульоне и три часа подряд обновлялись в кастрюльке, подававшейся к столу, – “горяченькие, свеженькие, отдайте, водочку не забудьте”. Молоко тут зимой продавалось на вес, его рубили топором. Хлеб выпекали расчудесный. Снедь была на базаре в изобилии, казавшемся нам сказочным»¹⁹.

В Саратовском университете читал курс истории средневековой западноевропейской литературы филолог-романист Н.С. Арсеньев, будущий академик В.М. Жирмунский вел семинарий, а также практические занятия по древневерхненемецкому языку, а средние века – ученик И.М. Гревса Г.П. Федотов²⁰. В Томском университете с 1917 по 1920 г. работает историк зарубежного театра А.А. Гвоздев²¹. В Воронеж, хотя и

¹⁶ Расписание перемен. 2012. С. 80.

¹⁷ *Клюев, Свешников.* 2009. С. 350–356.

¹⁸ *Тункина.* 2009. С. 501, 660.

¹⁹ *Вейдле.* С. 27.

²⁰ *Галямичев.* 2007. С.4–5; *Лысков.* 2007. С. 10; *Аврус.* 2002. С. 16–19; *Антощенко.* 2008.

²¹ Профессор А.А. Гвоздев (1887–1939). 1939; *Шнейдерман.* 1987. С. 4.

не надолго, отправляется специалист по средневековому праву В.Э. Грабарь. В Твери работает московский медиевист Н.И. Радциг.

Кроме того, в годы гражданской войны самые разные политические силы действительно открывают в провинции новые учебные заведения, тем самым создавая для медиевистов возможность профессионального трудоустройства²². Во вновь созданном Симферопольском университете служит ученик Гревса молодой медиевист М.Э. Шайтан²³.

В целом этот период характеризуется тем, что значение политического фактора заметно усиливается. В условиях войны ученые бегут, прячутся, переезжают, причем часто не по своей воле. Бегут от белых, красных, националистов и т.д. При этом в силу запутанности политической ситуации часто бежали от войны, а попадали в самое пекло. Эта тенденция сохраняет примерно до середины 1920-х гг., когда ситуация меняется. На первый план выходят другие тенденции миграции.

Во-первых, в связи с реорганизацией высшего образования, в первую очередь с реформированием ФОНов медиевисты в провинции оказались практически без работы. Часть недавно открытых вузов оказались закрытыми или переформированными так, что в специалистах по средним векам уже не нуждались. Приходилось или «бросать медиевистику» и «переквалифицироваться в управдомы» или возвращаться в столицы, где возможностей профессионального трудоустройства было больше, благодаря наличию библиотек, музеев, научно-исследовательских структур разного уровня и статуса, типа ГАИМК или Института истории науки и техники в Ленинграде²⁴. Настоящим центром медиевистических исследований стал в 1920-е гг. отдел Рукописей в Публичной библиотеке в Ленинграде. В центр переезжают как бывшие выпускники столичных университетов, так и те, кто в свое время получил образование в провинции. В 1921 г. возвращается в Петроград из Перми Вейдле²⁵, из Симферополя Шайтан²⁶, из Саратова Г.П. Федотов²⁷, из Костромы Н.С. Цемш²⁸. Среди лиц, впервые переехавших в этот период в Москву, можно назвать молодого, но уже известного казанского медиевиста Н.П. Грацианского²⁹, перебравшегося в столицу в 1922 г. Схожий процесс идет на Украине, где

²² Расписание перемен. 2012. С. 404–434.

²³ Гревс. 1927. С. 1; Вольфцун. 2012. С. 383–384.

²⁴ См. Вольфцун. 2008. С. 7–17; Свешиников. 2010. С. 198–227.

²⁵ Клюев, Свешиников. 2009. С. 358.

²⁶ Гревс. 1927. С. 1; Вольфцун. 2012. С. 384.

²⁷ Галямичев. 2007. С. 4.

²⁸ Вольфцун. 2008. С. 82.

²⁹ Иванов. 2007. С. 382–384.

в качестве центра выступает Киев. Сюда, например, перебирается в 1922 г. из Ростова Л.Н. Беркут³⁰. Но и в столицах вплоть до середины 1930-х гг. реализовать себя профессионально становится все сложнее. Многим медиевистам, как молодым, так и представителям более старшего поколения приходится заниматься вещами весьма далекими от медиевистики. Так, патриарху ленинградской медиевистики И.М. Гревсу и ряду его учеников (Н.П. Анциферову, Г.Э. Петри) приходится переключиться на краеведение³¹, другая его ученица А.И. Хоментовская работает заведующим библиотекой и архивом наблюдений в Главной геофизической обсерватории³², а ученик Д.М. Петрушевского А.И. Неусыхин в Москве работает научным сотрудником во Всесоюзной ассоциации сельскохозяйственной библиографии. Классификатором в Ленинской библиотеке служит и медиевист С.П. Моравский. М.А. Гуковский в 1920-е гг. чередовал работу в Публичной библиотеке и БАНе, а также работу в качестве техника в акционерном обществе «Севзапорг»³³. Выпускник Казанского университета В.Т. Дитякин, помимо того, что работал в 1920-е гг. в Казанском политехническом институте и в других заведениях Казани, работал в политотделе штаба Западной армии Республики³⁴.

Во-вторых, гораздо более массовый характер приобретает эмиграция из Советской России. Уезжают в первую очередь по политическим соображениям, те, кто критически настроен по отношению к советской власти. В 1920 г. с частями белой армии вынуждены были уехать из Одессы медиевисты П.М. Бицилли³⁵ и К.В. Флоровская³⁶, а из Крыма бывший профессор Симферопольского, а перед этим Киевского университета Н.М. Бубнов. Во Францию уезжает ученица Гревса А.М. Петрункевич, в Ригу, сделав там впоследствии вполне успешную карьеру, другой его ученик А.А. Тентель, а И.В. Пузино, не имея официального разрешения, рискуя жизнью, переходит по льду Финский залив. Иной раз этот отъезд был вынужденным, как высылка профессора Петроградского университета Л.П. Карсавина, и порой воспринимался самим эмигрантом как временный. В 1920 г. был командирован в Германию и впоследствии не вернулся филолог-романист Ф.А. Браун. Командировку с «научными целями» получают оставшиеся на Западе Н.П. Отто-

³⁰ Тункина. 2009. С. 501.

³¹ Каганович. 2007. С. 48–54; Свешиников. 2010. С. 57–59, 163–165, 182–185.

³² Каганович. 2008. С. 125–126.

³³ Вольфшун Л.Б. http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=70

³⁴ Профессора Казанского университета. 1999. С. 23–25.

³⁵ Каганович. 2007. С. 166; Бирман. 2006. С. 661–662.

³⁶ Свешиников. 2010. С. 129.

кар³⁷, Г.П. Федотов³⁸, В.В. Вейдле³⁹, византинист А.А. Васильев⁴⁰. Часто такой отъезд создавал серьезные проблемы для продолжения профессиональной деятельности. Многим медиевистам, не сумевшим в эмиграции встроиться в профессиональное научное сообщество западных стран, подобно упомянутым Г.П. Федотову, К.В. Флоровской и В.В. Вейдле, пришлось уйти из профессии. Часть оказалась связана с академическими учреждениями русской эмиграции, и лишь немногим удалось интегрироваться в мир западной науки⁴¹. В качестве редких примеров удачной профессиональной научной реализации можно назвать профессора Флорентийского университета Н.П. Оттокара и профессора Парижского Католического университета И.В. Пузино.

Ситуация меняется с середины 1930-х гг. и вновь в силу преимущественно политических причин. Нуждаясь в исторической науке как форме идеологического обоснования и легитимации правящего режима, советская власть «возвращает» историю в среднюю и высшую школу. Открываются исторические отделения и факультеты, как в старых, так и в новых университетах и педагогических институтах. Соответственно, возникает потребность в медиевистах, способных обеспечить квалифицированное чтение курса истории средних веков в этих учебных заведениях. Это изменение положения медиевистики как дисциплины, естественно, изменило и направление миграции медиевистов.

Во-первых, с конца 1930-х гг. прекращается эмиграция за рубеж. Сама связь с эмигрантской наукой после пресловутого дела Жебелева и Академического дела становится «порочающим пятном», а контакты с западной, «буржуазной», наукой резко сокращаются и ставятся под жесткий контроль со стороны власти и академической бюрократии.

Во-вторых, часть профессионального сообщества медиевистов, подвергшись арестам или высылкам, должна была отправиться в провинцию не по своей воле, хотя многие из них и здесь продолжали свою профессиональную деятельность, пытаясь заниматься научными исследованиями. В 1934 г. в Оренбург выслан из Ленинграда как «социально опасный элемент» расстрелянный впоследствии палеограф С.А. Ушakov⁴². В 1935 г. арестована и выслана в Саратов А.И. Хоментовская⁴³.

³⁷ Клементьев, Клементьева, 2006. С. 385–386; Ключев. 2011. С. 253–254.

³⁸ Антощенко. 2003. С. 291.

³⁹ Дороченков. 1996.

⁴⁰ Куклина. 1995.

⁴¹ О стратегиях поведения ученых русской эмиграции см. Дмитриев. 2003.

⁴² Вольфицун. 2008. С. 78.

⁴³ Каганович. 2008. С. 126.

В 1937 г. были повторно арестованы и отправлены в лагерь проходивший ранее по Академическому делу А.Г. Вульфius⁴⁴ и проживавший в Калининe медиевист-палеограф В.В. Бахтин⁴⁵.

В-третьих, вновь доминирующим становится вектор «из столицы в провинцию». Да и число переездов из одного провинциального города в другой явно увеличивается. Провинциальные учебные заведения, нуждаясь в квалифицированных кадрах, активно принимают и привлекают сотрудников и выпускников столичных вузов, способных прочесть курс истории средних веков. При этом здесь можно выделить несколько вариантов. Иногда провинциальные вузы, расположенные недалеко от Москвы или Ленинграда, приглашают преподавателей столичных вузов для чтения курсов и работы по совместительству. Так, в Новгороде курс средних веков читает ленинградский медиевист Н.С. Масленников, в Калининe с 1939 г. – Н.И. Радциг. Первый заведующий кафедрой истории средних веков ЛГУ Н.Н. Розенталь, заведует в 1933–1934 гг. кафедрой истории в том же Новгороде, а после увольнения и лишения всех должностей он год работает заведующим кафедрой в Алма-Ате, перебираясь затем в Одессу. Чаще всего в этом случае курс средних веков читался «наездами». В Горьком и Вологде преподает, правда, историю СССР, один из первых «красных» медиевистов, выпускник института красной профессуры А.И. Гуковский. Иногда провинциальные вузы берут выпускников столичных истфаков или аспирантуры на постоянную работу в штат. Так, в Сталинградском педагогическом институте читает курс истории средних веков выпускник Московского ИФЛИИ М.А. Алпатов⁴⁶. В Саратове получают работу А.С. Бартнев и С.М. Пумпянский⁴⁷, туда же, но уже после войны, отправляется С.М. Стам⁴⁸. После защиты диссертации в 1938 г. в Воронежский педуниверситет отправляется ученик О.А. Добиаш-Рождественской Б.Я. Рамм. В 1932 г. начал работать в Ивановском педагогическом институте специалист по средневековой истории Франции А.В. Конокотин⁴⁹. Новую историю в Горьковском и Ярославском пединститутах в эти годы читал В.М. Лавровский.

Эта тенденция усиливается после первого выпуска исторических факультетов в столицах и впоследствии ведет к формированию системы централизованного распределения выпускников. Эта система по отно-

⁴⁴ Груздева. 2012. С. 162.

⁴⁵ Вольфиун. 2008. С. 54.

⁴⁶ Науменко. 2005. С. 36.

⁴⁷ Галямичев. 2007. С. 7–11.

⁴⁸ Там же. С. 11–13.

⁴⁹ Москаленко. 1980. С. 407.

шению к историческим факультетам окончательно сформируется уже после Великой Отечественной войны, которая, конечно, внесет свои радикальные изменения в характер и направления внутрисоюзной академической мобильности профессиональных медиевистов.

Подводя предварительные итоги проведенного нами анализа миграционных процессов среди профессиональных советских медиевистов 1920–1930-х гг. следует обратить внимание на несколько моментов.

Во-первых, важнейшим фактором, определяющим мобильность профессиональных медиевистов 1920–1930-х гг., оказывается их принадлежность к институциональной системе исторической науки. И, соответственно, та радикальная трансформация, которую переживает эта система в рассматриваемый период, в значительной степени определяет подвижки среди профессионального сообщества медиевистов. Хотя, с другой стороны, значимым оказывается и тот момент, что с точки зрения значимых для политической власти идеологических функций этой системы медиевистика явно занимает периферийное положение. До определенного момента никакого интереса к изучению западного средневековья советская власть не испытывала⁵⁰. Не было громких компаний в медиевистике со всеми вытекающими последствиями. Специально не громили, но и не «подкармливали».

Во-вторых, географическая мобильность медиевистов в этот период была «академической» в весьма малой степени. Часто причиной переезда становились внешние по отношению к самой науке факторы, такие как безопасность, материальное положение и другие. Профессиональный исследователь решался на переезд, порой, будучи готовым при этом пожертвовать профессией, иногда, чтобы банально выжить.

В-третьих, переезд далеко не всегда оказывается результатом сознательного выбора самого переезжающего. Часто он осуществляется стихийно под давлением внешних сил или обстоятельств. И высылка, и эмиграция были явлениями достаточно распространенными, но в качестве примеров стихийного переезда далеко не единственными.

В-четвертых, медиевисты, мигрировавшие «сознательно», как и представители других дисциплин, в плане географической мобильности делятся на «номадов», часто менявших места работы и проживания, и «соседных», вся профессиональная биография которых связана с одним научным центром. Вторых больше. В значительной мере их профессиональная деятельность в данный период развивалась в столицах, предоставлявших больше возможностей для профессиональной самореализации.

⁵⁰ См. Свешников А.В., 2008.

В-пятых, значимыми для определения основных тенденций географической мобильности советских медиевистов оказываются структурирующие пространство миграции оппозиции «центр – провинция» и на определенном этапе – «Советская Россия или заграница». Понятно, что в данном случае советская медиевистика предстает совершенно уникальным феноменом в контексте общего развития медиевистики (для немецкой медиевистики, например, первая указанная оппозиция в принципе невозможна). Подобная структура пространства задает, с одной стороны, централизованный в географическом плане характер организации научной дисциплины (Москва и Ленинград играли и играют ведущую роль, там основные центры, кадры, фонды, издания), а с другой стороны обеспечивает циклический характер миграционных трендов. Хотя стоит отметить, что в очень малой степени имеет место миграция из одной «столицы» в другую.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск. 2003. 390 с.
- Антощенко А.В.* Долгие сборы в Саратов (К биографии Г.П. Федотова) // Историко-географический сборник. Вып. 23. Саратов, 2008. С. 72–82.
- Антощенко А.В.* Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2010. 344 с.
- Бирман М.А.* П. М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский. М: Языки славянских культур, 2006. С. 633–718.
- Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. 1917–1966. Л., Наука, 1968. 425 с.
- Вейдле В.В.* Воспоминания / Публ. и коммент. И. Дороченкова // Диаспора: новые материалы. Вып. 3. СПб.: Феникс, 2002. С. 7–159.
- Вольфиун Л.Б.* Матвей Александрович Гуковский // http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=70
- Она же.* Михаил Эммануилович Шайтан. Из истории петербургской медиевистики 1920-х годов. // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2012. С. 379–396.
- Она же.* От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб.: Феникс, 2008. 248 с.
- Галамичев А.Н.* Медиевистика в Саратовском университете: основные вехи истории // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 18. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2007. С. 3–22.
- Гардонио С., Сульнассо Б.* Осколки русской Италии: исследования и разработки. Кн. 1. М.: Викмо-М; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 2011. 456 с.
- Гревс И.М.* Памяти В.Э. Крусмана // *Анналы*. Пг., 1923. № 2. С. 255–258.
- Гревс И.М.* М.Э. Шайтан (Некролог) // *Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии* за 1926. Вып. 1. Л., 1927. С. 1–2.
- Груздева Е.Н.* Александр Германович Вульфийус (1880–1941) // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 152–162.

- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., Высшая школа, 1974. 400 с.
- Гутнова Е.В. Евгений Алексеевич Косминский (1886–1959) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим., 2000. С. 167–176.
- Дмитриев А.Н. Эмиграция как фактор национализации науки: русские гуманитарии в Германии 1920–1930 гг. // Ab imregio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2003. № 2. С. 317–349.
- Дмитриев А.Н. Заграничная подготовка будущих российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов: исследования и документы / Под ред. Н.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: ТГУ, 2012. С. 65–76.
- Дороченков И.А. Владимир Вейдле. Путь к книге // Вейдле В.В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. СПб., 1996.
- Дороченков И.А. [Вступительная статья] В. Вейдле. Воспоминания // Диаспора: новые материалы. Вып. 3. СПб.: Феникс, 2001. С. 24–46.
- Дубьева Л.В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета 1904–1912 гг. А.А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. ред. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 79–103.
- Иванов Ю.Ф. Профессор Н.П. Грацианский // Одиссей. Человек в истории. 2007. М., 2007. С. 376–396.
- Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с.
- Каганович Б.С. А.И. Хоментовская в последние годы жизни (по материалам ее переписки) // Всеобщая история и история культуры: петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 125–147.
- Клементьев А.К., Клементьева В.А. Три университета Николая Петровича Оттокара (Санкт-Петербург – Петроград – Пермь – Флоренция) // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: международная научная конференция. М.: Русский путь, 2006. С. 377–404.
- Клюев А.И., Свеишников А.В. Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916–1922 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 350–364.
- Клюев А.И. Из истории одной книги: Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 249–270.
- Косминский Е.А. Итоги изучения истории средних веков в СССР за двадцать лет // Известия АН СССР. Отд. общ. наук. № 5. М., 1937.
- Кужкина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 313–338.
- Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Под ред. А.Ю. Андреева. М: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 183–211.

- Лысков А.П.* Николай Арсеньев: вдали от родины, но сердцем с ней // Вестник Московского университета. 2007. Серия 7. № 3. С. 3–33.
- Москаленко А.Е.* Научные труды А.В. Конокотина // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 407–410.
- Мязов Г.П.* Медиевистика в Казанском университете // История и историки в Казанском университете. К 125-летию общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Ч. 2. Казань, 2005. С. 160–171.
- Науменко Г.И.* Алпатов, Михаил Антонович // Историки России XX века: Библиографический словарь / Автор-составитель А.А. Чернобаев. Под ред. В.А. Динеса. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2005. Т. 1 (А-Л). С. 36.
- Профессор А.А. Гвоздев (1887–1939) // Учёные записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1939;*
- Профессора исторического факультета Казанского университета (1939–1999): библиографический словарь. Казань, 1999.*
- Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е гг.) / Под ред. А.Н. Дмитриева. М.: НЛЮ, 2012.*
- Сафронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 223 с.
- Свешиников А.В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 86–112.
- Свешиников А.В.* Петроградская школа медиевистики начала XX века. Попытка историко-антропологического исследования научного сообщества. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. 408 с.
- Таран Л.В.* Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 267–275.
- Тункина И.В.* Биографический словарь-указатель // Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М.: Индрик, 2008. С. 477–831.
- Шнейдерман И.И.* Алексей Александрович Гвоздев // Гвоздев А.А. Театральная критика / Сост. и прим. Н.А. Таршис. Л.: Искусство, 1987. С. 3–17.
- Tamborra A.* Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Bari: Laterza, 1977. 272 p.

Ключев Артем Игоревич – аспирант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; kluevartem@mail.ru.

Свешиников Антон Вадимович – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; pucholik@rambler.ru.